

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

РАКИТА

Въ Глуховскомъ уѣздѣ, на самой границѣ Орловской и Черниговской губерній, сто ть, надъ большой дорогой, одинокая ракита... Проѣзжіе крестьяне смотрять на нее съ умиленіемъ и страхомъ, иной даже мимоходомъ снимаетъ шапку и крестится. «Ракита эта полита невинною кровью, оттого она и шумить такъ, сказалъ ямщикъ, котораго я спросиль, отчего онъ, глядя на нее, перекрестился: — эта ракита выдала душегубца, услышавъ плачъ праведнаго, и сотворила безсловесный судъ!»

«Наши орловскіе мужики, продолжалъ ямщикъ: — ходять подъ Глуховъ на работу: жнутъ, молотятъ, косятъ. Временемъ бывають у нихъ заработки хороши; а какъ иному не задастся, либо кто больно обрадуется вольному вину, которое тамъ дешево, тотъ придетъ ни съ чѣмъ. А ни съ

чѣмъ—то притти досадно. Вотъ и на го зависть—то мучить; а одного виши и грѣхъ попуталь.

На селѣ у насъ были два парня, оба хорошия ребята, а ужъ одинъ, Андрей, душа человѣкъ. И работящій, и смышленый, не то чтобы развѣсивъ уши ходиль, и работа у него подъ руками горитъ; подушныя уплачивалъ всѣ сполна, хоть и было ему тяжеленько: три души на нихъ, а все малый да старый, и работникъ онъ одинъ. Другой, Филиппъ — такъ бы ничего себѣ, парень здоровый, и коса изъ рукъ не валилась, да мотовать маленько, и ужъ мы всѣ его знали, что куда охочъ былъ погулять: ничего не пожалѣть, а и пуще того, коли гдѣ замѣшаются дѣвки.

Вотъ Филиппъ—то и ходиль одно лѣто на заработки къ сосѣдямъ нашимъ, къ хохламъ, да и воротился, какъ пошелъ, въ лаптяхъ да въ зипушишкѣ, а за пазухой ничего. Вотъ ужъ онъ тутъ какъ ни придумывалъ, какъ ни отвирался дома, а ужъ извѣстно, этихъ концовъ не скрошишь: знать было по всему да и слухи прошли послѣ обѣ этомъ, что просто гуляль да и

прогуляль все. Старику стало не подъ силу, его за подушное потянули на расправу, а сынъ—то гляди да казнись.

На другое лѣто Филиппъ опять пошелъ на работу съ косой, и отецъ крѣпко ему наказывалъ, чтобъ приносилъ деньги сполна, не то бѣда ему будетъ; не стану, говоритъ, больше за тебя отвѣтчишь, самъ тогда ступай въ волость и раздѣлывайся. Теперь я послѣднюю корову продаль — на меня не надѣйся; а ты учись да казнись, глядя на Андрея: тотъ всю семью кормить и оплачиваетъ; а ты что? Иди же съ Богомъ съ нимъ вмѣстѣ, да смотри, чтобъ принесъ ты не меньше его!

Не въ первый разъ упрекали Филиппа Андреемъ, и ему это было досадно. Собрались они вдвоемъ и пошли вмѣстѣ, и отецъ Филиппа еще таки просить Андрея и въ поясъ ему кланяется: сдѣлай милость, братецъ, побереги у меня сына да не давай ему гулять; вотъ тебѣ при добрыхъ стороннихъ людяхъ всю отцовскую власть надъ нимъ отдаю въ руки: бей его, учи его да, пожалуста, держи въ рукахъ, чтобъ не моталъ.

Пошли. Извѣстное дѣло, что жь одинъ молодой парень сдѣлаетъ надъ другимъ, хоть бы вотъ и въ глазахъ его стала дурить? Ну, скажетъ ему разъ, другой — добро послушается, а нѣть, такъ что онъ надъ нимъ сдѣлаетъ?

Андрей скоро нашелъ себѣ работу, да тутъ и остался; его ужь знали въ околоткѣ тамъ, что эдакого косца поискать. Филиппъ пошелъ дальше въ сторону, какъ говорилъ, къ знакомому хозяину, а по пути думалъ еще собрать кой–какіе должишки: а онъ, какъ лѣтось загуляль да растрясь всѣ денежки, такъ и въ займы даваль, а о томъ не думалъ, каково будетъ собирать ихъ: берутъ руками, отдаютъ ногами.

Прошло лѣто, кончились покосы, пора и домой. Вотъ Андрей только что сталъ собираться, глядь, и Филиппъ тутъ.

- Здравствуй, братъ!
- Здорово.
- Что, какъ живешь?
- Ничего, слава Богу; ну, а ты?
- Да и я тоже, — и замолчалъ.

А у него такое тоже, что нѣть опять ни гроша. Заработалъ ли, нѣть ли, а за воротъ

спустиль довольно; а тамъ поль лѣта прошатался по жидамъ, долги собираль — одного не собраль, другое растеряль, и остался ни съ чѣмъ.

На прощанье хозяинъ Андрея накормилъ ихъ обоихъ, по тамошнему, и вина поставилъ. Одинъ не пить, такъ другой не прольетъ. Поѣли, встали, помолились, поблагодарили хозяевъ и пошли въ путь.

Вотъ Андрей и сталъ говорить, что—де домой приDEMЪ, денегъ принесемъ, подушное уплатимъ, да съ Богомъ и женимся: пора. И взяла тутъ кручина Филиппа, и сталъ онъ спрашивать Андрея, по правдѣ, сколько денегъ онъ принесеть домой?

— Сотенку принесу.

— Вправду такъ?

— Да какже не вправду, коли она вотъ у меня, тутъ, бумажникъ на гайтанѣ; а у тебя много ли?

— Чего, братъ, много ли, и всего—то цѣлковыхъ съ два остались, да и тѣ, видно, на грѣхъ уцѣлѣли.

— Какъ такъ, Филиппъ?

— Да такъ; больше нѣтъ, а и этихъ, видно, беречь некуда: ими дѣла не управишь. Жиды обманули, должна не заплатили; и хозяинъ, говорить, не отдалъ денегъ, велѣль на тотъ годъ опять приходить; а тамъ работы не нашелъ, да еще не здоровилось что-то...

— Эхъ, братъ Филя, видно, самъ ты себя обманываешь, а не жиды. Плохо же, братъ, дѣло наше. Что теперь отецъ твой скажетъ, а что скажутъ въ волости, и что всѣ добрые люди? А подушное-то кто заплатить? Опять за тебя отца на расправу потянутъ... плохо, братъ!

— Ужъ не зимовать же мнѣ тутъ, сказалъ Филиппъ: — не миновать того, что домой итти. Что будетъ, то будетъ.

А лукавый и сталъ мучить Филиппа: молчать все да думу думаетъ; что ближе подходятъ, то страшнѣе ему домой показаться, а и пуще вмѣстѣ съ Андреемъ, который несетъ домой бумажникъ. Вотъ и сталъ онъ приставать къ нему: подѣлись, говорить, дай взаймы половину — я отдамъ!

— Дурака ты нашель, говорить ему Андрей: — чтобы я тебѣ трудовыя денежки

свои взаймы отдалъ. Тутъ плясовыхъ да бражныхъ нѣтъ ни копѣйки, все трудовыя да потовыя. Брать—не—брать, говорится, а въ мой горохъ не лѣзь: что у тебя руки, то и у меня, всякъ на себя работаль. У меня тоже отецъ дома и семья.

Прошли они еще сутки трои либо четверы вмѣстѣ, подошли уже къ самой границѣ своей губерніи и сѣли вмѣстѣ отдыхать подъ эту самую ракиту, поѣли хлѣбца, запили водицей, помолились и уснули. Филиппъ первый проснулся и глядить на товарища: спить. Оглянулся Филиппъ кругомъ: все пусто, глухо, никого не видно; глянуль опять на Андрея, у которого сто рублевъ за пазухой, привсталъ на колѣнце, взглянуль на себя, будто чего ищеть; нѣтъ ничего, нечѣмъ и извести бѣднаго Андрея....

Однако, видно, сатана находчивъ: Филиппъ закинулъ Андрею на шею опояску, насыль на него и задушилъ....

— Богъ тебѣ судья, прохрипѣлъ Андрей на отходѣ: — нѣтъ тутъ свидѣтеля, а вотъ ракитовый кустъ этотъ видить нась, и онъ

заговорить, а злодѣйство твоє изобличить....

Прошло года два. Андрей пропалъ безвѣсти, и никто на Филиппа не думалъ, никакого оговора на него не было. Филиппъ не вдругъ выказалъ деньги, а тамъ женился и зажилъ домкомъ. Сталъ онъ торговатъ по мелочамъ, какъ не охотникъ до крестьянскихъ работъ, и люди знали, что тестъ у него человѣкъ съ достаткомъ, изъ другой деревни, такъ никто и не дивился, что сталъ Филиппъ разживаться.

Вотъ на праздникахъ у жениниыхъ родныхъ, сватовъ и сватьевъ Филиппа была какая–то погулка. Принарядившись, онъ сѣль съ женою на телѣжку и поѣхалъ туда. Дорога, до поворота, была та самая, по которой Филиппъ съ Андреемъ хаживали въ Глуховъ. Увидавъ одинокую ракиту, Филиппъ и вспомнилъ прошлое, бѣдность свою и богатство работящаго Андрея, которое его столько мучило завистью, а теперь, подумалъ онъ, что мнѣ Андрей, а я вотъ мужикъ съ достаткомъ. Подумавъ это, Филиппъ и поглядѣлъ на ракиту,

усмѣхнулся, а тамъ у него и сорвалось съ языка: «что молчишь? говори — не боюсь!»

— Кто молчитъ? Чего не боишься?
спросила хозяйка.

— Нѣть, ничего. Я такъ, про себя.

Однакожь, Филиппъ что-то долго не сводилъ глазъ съ ракиты, покуда не проѣхалъ ея, а тамъ опять усмѣхнулся и махнулъ рукой. Хозяйка смѣтила это и пристала къ нему:

— Скажи да скажи, чего ты глядѣль на ракиту? Что у тебя тутъ было? Видно-де одной только женѣ и нельзя этого сказывать? Скажи, сдѣлай милость, голубчикъ! Не скажешь, такъ ей-ей всѣмъ людямъ буду говорить про это дѣло, буду стыдить тебя.... Ну, пристала безотвязно, какъ бабы пристаютъ. Либо Филиппъ, на праздникъ ъдучи, ужъ хмѣленъ быль, либо не зналъ еще, что не всякую правду велять женѣ сказывать, а хозяйка кончила таки тѣмъ, что свое допыталаась.

— Молчи, говоритъ, дура, экъ загорѣлось! Андрей-то тутъ, подъ ракитой, дѣло прошлое, я его въ тѣ поры тутъ уходилъ, а онъ послался на нее, на ракиту,

что она выдастъ меня. Ну, я теперь глядя на нее и разсмѣялся: стоять какъ стояла, а ужь вотъ четвертый годъ пошелъ тому дѣлу... Да, смотри, молчи!...

Пріѣхали они вмѣстѣ къ жениной роднѣ на пиръ, гуляли весь день, до вечера. Тутъ хозяйка Филиппа, хоть и сама хмѣльная, да еще въ памяти, вспомнила, что пора домой, къ малымъ дѣткамъ; притомъ и хозяинъ ея ужь крѣпко подгулялъ и нѣсколько разъ принимался буйнить, и она, зная его обычай, видѣла, что и его до грѣха надо везти домой. Филиппъ и слышать этого не想要: въ охотку разгулялся. Она пристала къ нему, сперва стала просить, тамъ перебраниваться съ нимъ, а наконецъ подошла и стала тащить его, напустившись бранью, какъ горохомъ. Мужъ нестерпѣль такой обиды, что при чужихъ людяхъ жена вздумала имъ такъ помыкать; къ тому жъ, у него въ головѣ дуракъ сидѣлъ: онъ и принялъ ее колотить да сволокъ съ головы платокъ и потащилъ ее за космы. Она, вырвавшись отъ него простоволосая, со злости ужь и себя не помнила; принялась кричать и браниться и попрекать мужа

всѣмъ, что могла насчитать и припомнить, проговорилась: что—де ты, мошенникъ, эдакой, и меня убить хочешь, какъ Андрея, котораго зарылъ подъ ракитой...

Слово не воробей: вылетить — не поймаешь. Всѣ люди слышали, что филиппова хояйка сказала, пошла молва. Пошелъ говоръ на весь міръ: вотъ ихъ и потянули къ допросу. Сперва оба, опомнившись, стали зарекаться, знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаются; а какъ пошли съ понятными подъ ракиту, да вырыли кости бѣднаго Андрея, и шляпу и кафтанъ его признали, такъ Филиппу некуда дѣваться стало, хоть обѣ стѣну головой. Филиппа сослали, а ракита стоитъ, говорятъ, и понынѣ по глуховской дорогѣ, и народъ, проѣзжая мимо, крестится и творить молитву за душу Андрея.»

В. ДАЛЬ.
